

ТРЕПАЧ

Еженедельный журнал
сатиры, юмора и волче.

Девиз „Трепач“:
— Бей его, — я его знаю!!

Товарищ Максимъ

— Слышь, трешло! Была у меня вила на островѣ Каури, было свое издательство, Марксъ Адольфъ давалъ 200 тысячъ за книги... А я все-таки вашъ братъ, потому понимаю нашу низкую жизнь

— Ужъ какая „Наша Жизнь“!! Одно безобразіе!..

РАЕШНИКЪ.

Петроградъ.
7 Мая.

Разкажу вамъ, читатели, про свой удѣлъ, какъ я на Казачьемъ сидѣлъ, съ развеселыми трепачами, фатовыми ширмачами, съ старо-прижимными губернаторами, съ социаль-провокаторами, пьяницами, сердцу моему любезными,—за рѣшетками желѣзными.

Нехорошее дѣло, братцы, вышло, въ ротъ ему дышло. Много я на послѣдки потренился, мелкими кражами занимался, въ милиціи служилъ и съ Харитоновымъ дружилъ, производилъ налеты на частныя квартиры, держалъ въ ужасѣ чайныя и трактиры, хваталъ въ чайнухахъ матросовъ и солдатъ, штатскихъ молодежькихъ ребятъ, тянулъ въ судъ кого ни попало,—и все мнѣ съ рукъ слетало...

Было вреда отъ меня много. Теперь, вѣдь, столица, что большая дорога,—грабь, воруй, очистиай, чужія квартиры навѣщай, спекулируй сколько угодно,—потому теперь это свободно,—въ любомъ комиссариатѣ сидить хватъ на хватъ, съ замашками стараго пристава,—ну, знамо, и служить Республикѣ неустово...

Ну,—я я тоже всеми темными дѣлами занимался, и ни въ одномъ мелкомъ преступленіи не попался, ни за грабежъ, ни за хулиганство, а въ шухеръ влипъ за несповѣдимое пьянство.

Осадилъ я рюмокъ 10 въ „Торжкѣ“ на Болотной, иду домой походкой беззаботной, вдругъ милиція появляется и разговоръ начинается:

— Гдѣ пилъ и гдѣ купилъ? Почему намъ не заплатилъ? Что ты воръ и грабитель—намъ плевать, а за пьянство—идемъ отдыхать...

Черезъ два часа Судъ, черезъ часъ со свѣчами Евстану ведутъ на самый что ни на ест Казачій... А житье на Казачьемъ—дача дачей.

Спи цѣлый день, точно валаамскій тюлень, отъ обѣда до ужина, съ ужина до утренняго чаю, да по сонному случаю и отъ чаю до обѣда тоже заснешь, или картежъ разведешь, или бесѣду съ анекдотами съ товарищами—обормотами.

Въ полдень гости шлюются, разговорами занимаются, таскаютъ пищу и прочее и другое кое-что... (поставлю многоточіе...), газеты все получаютъ и горячо читаются, книги выдаются для чтенія...

Не житье, а мое почтеніе...

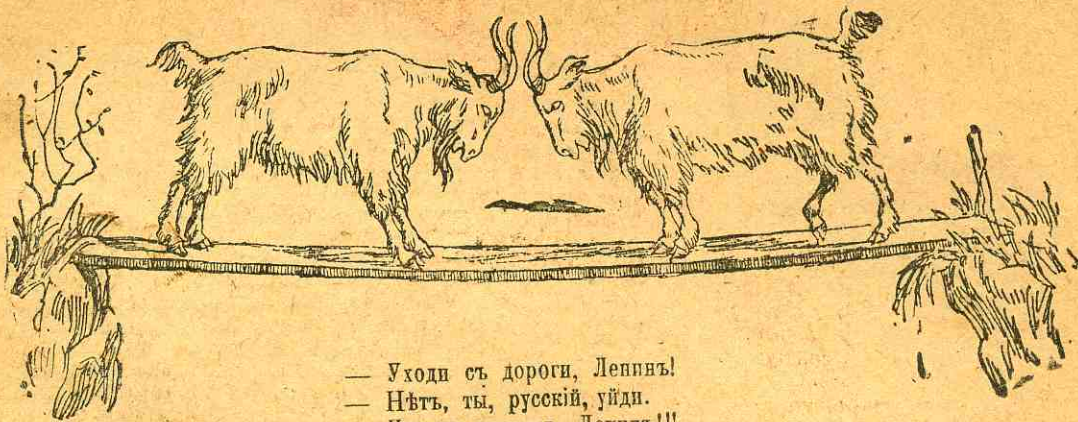
Убийцы и грабители, порядка нарушители, вильгельмовы шпионы, тайные фараоны, ширмачи, трепачи-то на свободѣ по новой модѣ, а люди безвѣные, поклонники винныя, тихіе, безотвѣтные, эти сидятъ, городскую пищу бдятъ, жгутъ электричество, стоятъ денегъ громадное количество,—и очень довольны...

Скажу про себя самолично: живется мнѣ отлично, только одно досадно, что выходить будетъ не очень ладно. Когда пришелъ я оттуда, было во мнѣ 2 съ половиной пуда, а теперь стало 10,—ни на однихъ вѣсахъ не свѣситъ, а двери узенькія,—не пролѣзть, придется, видно, тутъ подольше застѣть, чтобъ 20 пудовъ было,—и ужъ начальство нарочно стѣну проломилъ—Евстанку выносить домкратомъ...

А пока сижу, не тужу, чего и вамъ желаю... Ежели угодно,—выпейте за мое здоровье, попадете сюда, потолкуемъ... Очень тутъ хорошо, честное слово!

Евст. Богоявленскій.

— Уходи съ дороги, Ленивь!
 — Нѣтъ, ты, русский, уйди.
 — Честью просать, Ленивь!!!
 — Честью просать, чертъ свинячій.
 Уходи пока морду не разбилъ!

МЫСЛЬ

Нѣтъ, я не вѣрю, что будетъ время,
 Когда исчезнетъ земная жизнь,
 Померкнетъ солнце, безсильно тлѣя,
 И солнце сердца, погаснетъ мысль!
 Я допускаю, что превратится
 Коропа солнца въ холодный ледъ,
 Но мысль, которой земля гордится,
 Царица жизни,—вѣтъ... не умретъ!
 Пусть гаснетъ солнце... Пусть ночь струится,—
 Мысль солнце въ нашихъ сердцахъ зажжетъ
 И метеоромъ загорится
 И понесется впередъ... впередъ!

А. Ирайскій.

СВОБОДА СОВѢСТИ.

Въ ротный комитетъ входитъ дряхлая старуха въ сопровожденіи двадцатилѣтняго балбеса. Походитъ дежурный солдатъ:

— Тебѣ что, бабка?

— Къ вашей милости, кормилецъ. Парнишку выпоротъ привела.

— За что?

— Да за эту самую свободу совѣсти,—что не увидитъ—станитъ. Ужъ я его такъ и сякъ, и кочергой... Не помогаетъ... Да ты что, говорю. Васька, съ ума сошелъ?!

— Нѣтъ, маменька я это отъ свободной совѣсти. На что ни гляну, такъ сами лапы и тянутся: возьми и пропей.

— Васька, говорю, тебя выпоротъ надо.

— Обязательно, маменька, а то я пропаду совѣсть.

Я къ милуцкому: Батюшка, сдѣлай милость, разложи ты его хорошенько, да по энтому мѣсту съ солью.

— Не могу, говорить.

— Почему такъ?

— Закону нѣтъ.

— Да гдѣ же онъ, чтобъ вамъ пусто было?

— Отмѣнили.

Ну, я сразу поняла, что съ прощальгой разговариваю.

— Самого то тебя, говорю, выпоротъ надо—иди отъ грѣха...

Теперь спасибо дворникъ научилъ. Обратисъ, говоритъ, къ солдатскимъ депутатамъ. Они народъ военный—за милую душу всыпятъ... Вы ужъ сдѣлайте божескую милость... Онъ парень смиренный.

— Не можемъ, бабка: тѣлесныя наказанія отмѣнены.

— А гдѣ-жь мнѣ его выпоротъ?

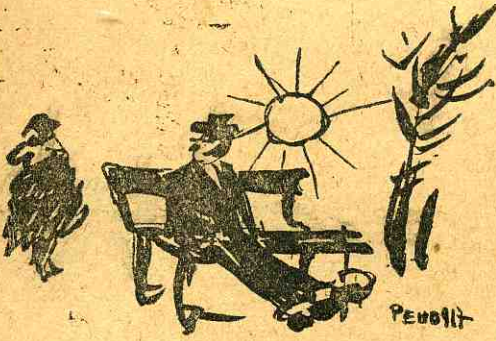
— Нигдѣ нельзя.

— Ахъ, Господи, что же мнѣ теперь дѣлать? Балбесъ тяжело вздыхаетъ:

— Вѣрно, судьба моя такая, маменька, что съ тебя грабить... Терпи!..

Ив. Лаптевъ.

ПОСЛѢ СОЛНЦА.

Утоились мы и солнцемъ,
 И сверканіемъ, и смѣхомъ,
 И просторами, и эхомъ,
 Міромъ яркимъ, міромъ звонкимъ.
 А теперь тихоня-вечеръ.
 Такъ таинственно и славно.
 Ново, радостно, неявно...
 Дали молніями блещутъ.
 Въ темнотѣ уютно-мягко.
 Ночь, земля и мы въ истомѣ.
 Въ свѣтѣ молній, въ тихомъ громѣ
 Бури ждемъ въ веселомъ страхѣ.
 Туча небо охватила,
 Дождь закрпалъ рѣдкій, полный...
 Мы сбѣжимъ отъ яркихъ молній...
 О, какъ солнце опьянило!

Яркъ Вѣнь.

ОБА ДВА УМНЫЕ.

Надъ часовымъ магазиномъ вывѣска:
 „Съ почтеніемъ изъ Одессы Н. Я. Гинделевичъ“.

Входитъ озабоченный господинъ. Его прѣвѣтствуетъ человекъ съ чернымъ стаканчикомъ въ глазу:

— Здравствуйте вамъ. Я уже вижу часики ваши... А можетъ вы новые хотите купить? Такъ я вамъ скажу за время революціи въ одной Москвѣ по триста часовъ въ день пропадаетъ...

— Спасибо. Я свои принесъ. Чортъ знаетъ, что съ ними сдѣлалось. Вчера ходили, а сегодня хоть лопни—стоятъ и конецъ. Ужъ что я съ ними ни дѣлалъ и трясъ и ребромъ по столу хлопалъ—не помогаетъ.

— Боже мой! Это вамъ тыква или товарищъ Керенскій, что вы его по ребру хлопаете? Ну, конечно, сломались...

— Да я осторожно.

— А волосокъ? Вы понимаете, что такое волосокъ?

— А чортъ его знаетъ, что.

— Волосокъ это, понимаете, такая вещь... Вы видали когданибудь волоса?

— Всякія видали.

— Ой вы шутиликъ... Покажите ваши часики. Господинъ подаетъ массивные золотые часы.

Гинделевичъ со скорбнымъ видомъ открываетъ съ обѣихъ сторонъ крышки и обнюхиваетъ.

Чмокаетъ.

— Волосокъ уже навѣрно сломался, но это пустякъ—рубли двадцать копѣекъ. А вотъ пружина...

— Неужели и пружина?

— А что вы думаете. Самодержавный режимъ сломался, и пружина ваша будетъ цѣла... Ну это 8 рублей.

— Чортъ бы ее побралъ, эту пружину.

— Что? Вы говорите дорого? А рубль пятьдесятъ копѣекъ мясо—это вамъ нравится? А сахарунигдѣ не достанешь—это вамъ пружина?

— Посмотрите, пожалуйста, можетъ быть еще что не въ порядкѣ.

— Ай-ай-ай. Порядокъ, порядокъ... какой теперь можетъ быть порядокъ. Всѣ спорять, ругаются и съ горячимъ оружіемъ. Всякій паршивецъ въ миллионера идетъ и требуетъ, какъ взрослый... Пятнадцать рублей.

— Что-о?

— Пятнадцать рублей за починку.

— Но вѣдь это грабежъ!

— Ой, что вы грабежъ. Вы послушайте: какъ они хрипятъ.

Гинделевичъ беретъ ключъ и разными толчками заводитъ часы.

— Вы слышите?

Часы начинаютъ тикать.

— Позвольте-ка ихъ сюда,—просить господинъ.

— Пожалуйста. Намъ нужны чужіе часы? Берите ихъ хоть десять разъ.

Господинъ прикладываетъ часы къ уху.

— Идутъ... Честное слово, идутъ.

— Ну вст! Видали вы идѣта? Идутъ, когда у нихъ пружина сломана.

— Увѣрю васъ, идутъ.

— Онъ меня увѣряетъ, когда волосокъ оборвался. Хотите десять рублей за починку?..

— Подождите, они тикаютъ.

— Семь рублей пятьдесятъ копѣекъ послѣдняя цѣна. Давайте.

— Пойдите, стойте... Боже мой, да вѣдь я ихъ вчера позабылъ завести... До свиданья. Гинделевичъ кричитъ стоящему у двери мальчишкѣ:

— Янкель, я тебѣ сколько разъ буду говорить, чтобъ не пускалъ въ магазинъ паршивыхъ кадетовъ. Придутъ разговаривать, потомъ уходить. Что я имъ,—Государственный Дума?

Лонди Дендинскій.

НА УЛИЦѢ.

Вытянулась улица, словно просѣка въ лѣсу. Небо сверху хмурится на искусную красу. Хмурится, печалится и груститъ, груститъ... А у насъ фонариковъ легіонъ блестящихъ...

Алые, зеленые, синіе огни—

Ночи крыленные, свѣтлыя, какъ дни.

Тамъ, вверху, молчаніе, холодъ и покой.

А у насъ веселые катятся пьяною рѣкой:

Встрѣчи мимолетныя и любови, и грѣхъ

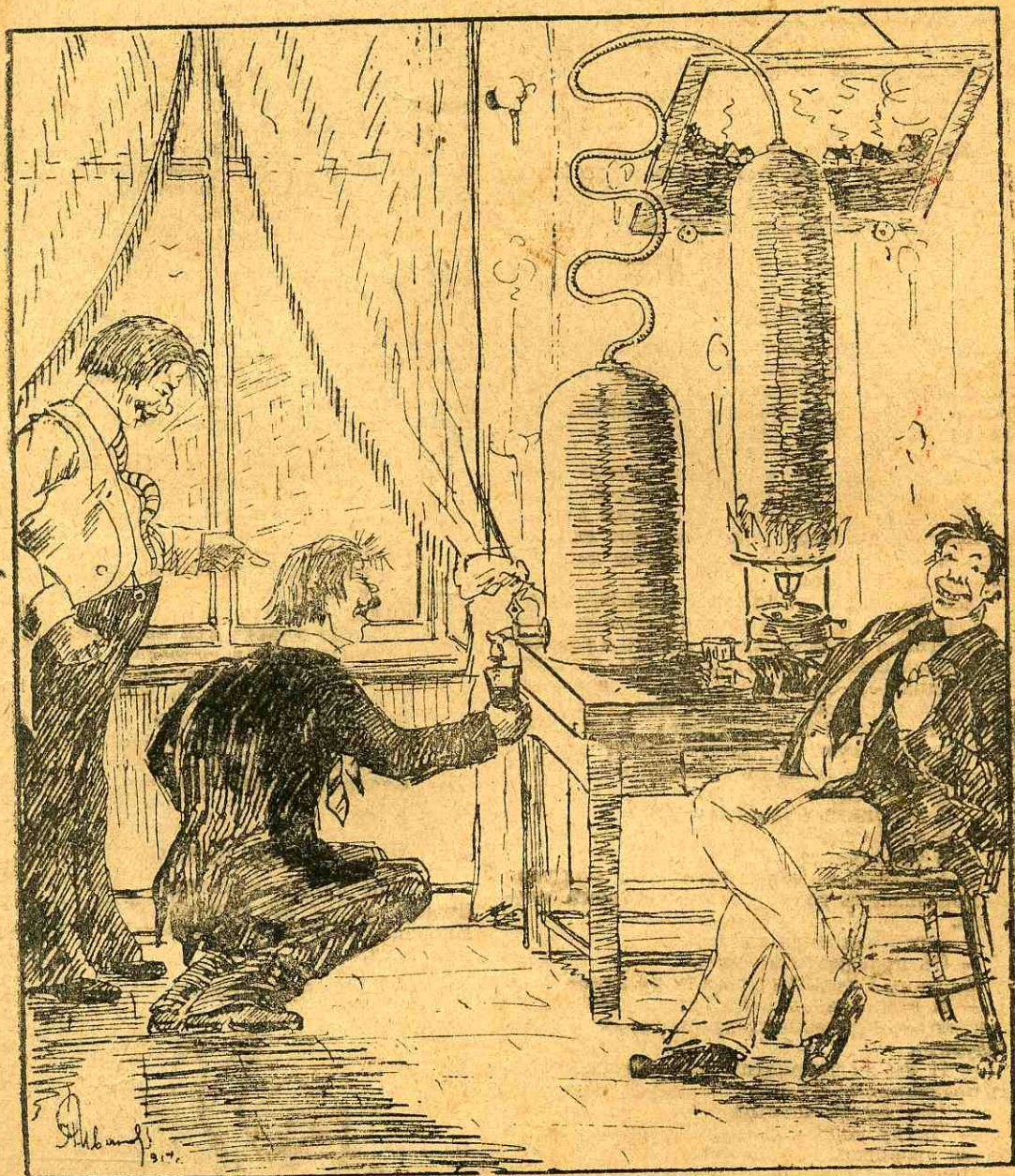
И звенитъ волнующей, искромѣтнѣ смѣхъ...

Смѣхъ... Но отчего-же мнѣ чудится... Молчи!

Мало-ли, что чудится въ призрачной ночи!

А. Крайскій

Самопредѣленіе.

Чепуха! Хоть все закрой,
Хоть дышать дозволю лишь въ склепѣ,
Будь какой угодно строй,—
Мы порвемъ любя цѣпи.
Запретите намъ бѣга,
«На гужбанахъ» мы сыграемъ.
Лѣсъ закройте и луга—
Крыши сдѣлаемъ мы раемъ!
Не дозволю курить—и тутъ
Выходъ ловкій мы отыщемъ;

Спрячь насъ въ тонный институтъ,
Бей насъ грязнымъ голенищемъ,
Но и это нипочемъ.
Мы найдемъ пути-дороги.
Отомстимъ и увлечемъ
Всѣхъ къ тому, чтобъ жить, какъ боги.
Пусть царитъ самъ Идиотъ,
Пусть царятъ и Хамъ и Каинъ—
Русь пила и нынѣ пьетъ,
Пьетъ отъ центра до окраинъ.

Типунъ.

НА РУСИ.

Будто сонъ золотой, народилась Свобода,
Цѣли рабскія пали... Открылась тюрьма.
И великая радость теперь у народа.
Не томить его грудь въковѣчная тьма.

И куется себѣ счастье свѣтло и свободно.
Дашеть воля въ очахъ. Смотрить въ сердце весна,
И душъ его стало легко и вольготно:
Онъ воскресъ, онъ проснулся отъ долгаго сна.

Н. И. Васильевъ.

ЧАЕПІЙЦЫ.

Были времена, когда иностранцы имѣли
о Россіи скудные свѣдѣнія. Напримѣръ, что
тамъ, въ тѣни развѣсившей клюквы, мужики
пьютъ чай и закусываютъ самоваромъ. По-
миная ближайшихъ родственниковъ,— глав-
нымъ образомъ, родителей.

Теперь былъ XX вѣкъ,— въ Россіи прои-
зошла революція и мистеръ Гудъ-Бай, при-
ѣхавшій изъ Америки по торговымъ дѣламъ
въ Петроградъ, былъ убѣжденъ, что на коло-
кольнѣ Исаіевскаго собора бѣлые медвѣди
перестали водиться.

Онъ поселился въ отелѣ „Акимъ Бусковъ“.

Утромъ въ первое же воскресенье къ нему
вошла цѣлая толпа странныхъ лицъ и усердно
принялась качать головами вверхъ и внизъ.

Здрате,— съ праздничкомъ васъ,— съ
прошедшей Пасхой— Христосъ Воскресъ!

— Олъ райты! Здравствуйте... я вамъ за-
чѣмъ нибудь нуженъ, джентльмены?

— Нѣтъ, мы такъ, съ праздникомъ

— Кто же вы?

— Я дворникъ при етомъ домъ.

— А я прачка.

— Я трубочистъ.

— А я такъ за компанію, потому мой дядя
въ прошедшемъ году здѣсь полотеромъ слу-
жилъ.

И опять закивали головами.

— Съ праздничкомъ васъ.

Мистеръ Гудъ-Бай сдѣлалъ пріятное лицо.

— Я вамъ очень радъ, джентльмены, но
увѣряю,— совершенно не нуждаюсь въ вашихъ
услугахъ.

— И мы не нехристи какіе-нибудь, чтобъ
въ праздникъ работать.

— Что же вы хотите?

— Чайку попить за ваше здоровье.— осла-
бился дворникъ.

Мистеръ Гудъ-Бай вадрогнулъ.

— Опять чай, опять этотъ ужасный нап-
токъ, которымъ вмѣсто алкоголя отравляются
русскіе граждане!

Но, какъ любезный хозяинъ, онъ прика-
залъ подать пришедшимъ по стакану чая.

Поздравители выпили и стали вытирать
носы. Дворникъ послѣ этого благовоспитанно
нашлянулъ.

— Теперь соблагодолите на чайшко, и мы
значить къ другимъ жильцамъ.

Огорченный мистеръ Гудъ-Бай досталъ
трехрублевку и вручилъ ее, грустно качая
головой.

— Бѣдный. бѣдный русскій народъ.

Отчего на знаменахъ своей великой рево-
люціи ты не выставилъ— „долгой чаепитіе!“

Въ своемъ донесеніи главному управленію
Смитъ—Стритъ и К^о онъ писалъ:

— „Россія прекрасная страна съ неисчер-
паемыми естественными богатствами, но ее
убиваетъ ужасный порокъ: чаепитіе. Даже
дамы въ шляпахъ и джентльмены въ крах-
малкахъ не стѣсняются большими и мелкими
суммами требовать зѣльсь на чай.“

Поговариваютъ будто республиканское пра-
вительство хочетъ подъ давленіемъ социаль-
демократа Ленина ввести монополию на этотъ
напитокъ. Мотивъ простой. Въ Учредитель-
номъ Собраніи преобладающее большинство
обезпечено за крестьянами и рабочими.— Он-
тому имъ легче будетъ требовать „на чай“ у
буржуазіи. Понять не могу этой мѣры, на
всякій случай пришлите два вагона чаю. Буду
раздавать натурой для поддержанія друже-
скихъ отношеній съ республикой. Деньги все
израсходоваль“.

Игн. Ломанинъ.

ПРОВОКАЦІЯ.

Мужчины на свѣтъ
Къ вамъ льнутъ, словно мухи,
Хотя типы эти
Фактически сухи.

Не вѣрьте ихъ клятвамъ,

Словамъ и вопросамъ.

Шутя говорятъ вамъ,

Оставяя же съ носомъ.

Онъ ловокъ, но шатокъ;

Вретъ...—что сивый меринъ!..

Нѣтъ права— вотъ я, такъ

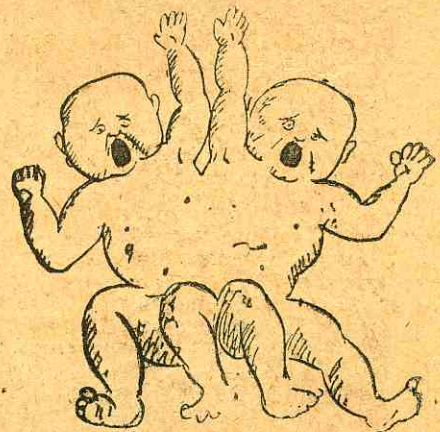
Словамъ своимъ вѣренъ.

Зигзагъ.

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

— Господинъ комиссаръ. Мнѣ Спирько
Пузырь скулу на сторону своротилъ. Эна!
Нарочно съ собой захватилъ,— посмотрите, по-
жалуйста.

Въ единеніи—сила.

Въ полномъ согласіи.

ВКРУЧИВАЕТЪ.

Шура, ну, скажи—„согласна“.

Что потушила ты взоръ?

Вѣдь, любовь настоль прекрасна.

Страсть и ласка—не позоръ.

Не гаси умомъ стыдливо

Счастье острое въ груди

И съ желаніемъ счастливо

Мнѣ въ объятья упади.

Побѣжитъ огонь по жиламъ.

Разожжетъ у насъ уста,

Расцвѣтутъ и запылаютъ

Къ страсти чуткія мѣста,

Шурка, въ бѣшеномъ объятьи

Я сожму тебя, какъ спрутъ.

Ты лишь скажешь:—„Тише, платье.“

И цѣлуй, дѣлуй вотъ тутъ“...

Шпанка.

РЖАВЧИНА.

Мѣщанинъ Вѣтровъ жилъ въ подвалѣ. По его профессіи такъ и полагалось,—онъ красилъ вывѣски.

Маленькій городокъ, гдѣ жилъ Вѣтровъ, доходу давалъ мало: прачка, чтобы не разориться на вывѣски, просто на видномъ мѣстѣ развѣшивала на веревкахъ бѣлье, и всѣ знали, что тутъ прачка. Заливщикъ галопъ третій годъ торгуется, но не заказываетъ вывѣску. Просто прибилъ рваную калошу къ воротамъ, а ниже на клочкѣ бумаги, которую съѣла ржавчина, написалъ: „заливаю калоши“.

Торговцамъ по наслѣдству достались и лавки и вывѣски. Хотя вывѣски и проржавѣли до невозможности, но мѣнять ихъ торговцы не хотѣли.

Поэтому мѣщанинъ Вѣтровъ жилъ бѣдно почти безъ работы. Пилъ въ долгъ чай въ трактирѣ и красилъ по лѣтнему дѣлу крыши.

— Жизнь, братъ, была бы первѣющая, да вотъ семья. Связала меня чисто. Кабы въ большой городъ, тамъ бы я развернулъ крылья, домъ за эти годы построилъ бы подъ самое небо.

— Да-съ, Терентій Сидорычъ, что и говорить. Воля Божья,—говорить его сосѣдъ-сапожникъ.

— Правильныя рѣчи люблю и слушать. Наказалъ Богъ,—терплю.

— Безъ Бога, братъ, ни до порога, безъ царя—никуда.

Когда ветрянулось болото въ 1905 г., Терентій Сидорычъ качалъ головой, ревѣлъ, какъ быкъ, на всю площадь:

— Смутьяны, риднеры... перестрѣлять всѣхъ, перевѣшать, какъ собакъ... Какъ это такъ—царя не надо? Да какъ же мы то будемъ?

Рядомъ у просвирни мальчикъ ходилъ въ городское училище. За полночь въ окнѣ гасъ огонь.

Терентій—Сидорычъ донесъ въ охранку—либо прокламаціи печатаютъ, либо фальшивыя деньги.

Пришелъ охранникъ. Ни прокламацій, ни денегъ не нашлось, а увидѣлъ зелененькую

книжечку: „Сколько человѣку земли надо“ Арестовалъ просвирнина сына. Двѣ недѣли допрашивали его.

— Да кто даль? да зачѣмъ читаешь? да откуда досталъ? Нѣтъ ли какого сообщества?

Подопшла война.

Полиція отбирала по деревнямъ жито, реквизировала скотъ. Заглянула полиція и къ Терентію Сидорычу, съ этого нечего взять, а чтобы даромъ не проѣдался, а служилъ на пользу отечества, заставили бесплатно выкрасить полы въ полицейскомъ дому.

Потомъ подошелъ голодъ.

Скребъ въ затылкѣ Терентій Сидорычъ и украдкой ругался:

— Чтобы ихъ грыжа завла. Красить—красиль, а получать съ кого хошь. Собачья шерсть! Хотъ суму надѣвай. Только подавать то кто будетъ?..

Потомъ пришла свобода.

Съ флагами шелъ народъ. Закипѣлъ ржавый городокъ, полнымъ полонъ людей, откуда что взялось. Не управляется Терентій Сидорычъ красить буквы на флагахъ и все „демократическая республика“, „долой полицію“.

И удивился: платятъ хорошо, даже деньги завелъ.

А вечеромъ идетъ на площадь полюбоваться своей работой.

Красивѣть отъ флаговъ площадь. Гудитъ народъ. И не замѣтилъ Терентій Сидорычъ, какъ это произошло, въ рукахъ у него красный флагъ, распустилъ бороду, кричитъ на всю площадь:

— Кто кровь нашу пилъ? Кто измывался? Кто по нашей шевъздилъ, какъ не она? Долой полицію, долой кровопивство!..

— Вѣрно, товарищъ, вѣрно!—отвѣчаетъ площадь.

Любо Терентію Сидорычу. Смѣется онъ въ бороду: „Хм... товарищъ... и придумаютъ же слово такое хорошее... д-да. Слыхано ли: товарищъ“.

Идетъ онъ съ флагомъ на площадь къ памятнику Александру III. Невзрачный, маленький памятникъ изъ глины, обидѣли его галки.

— Зачѣмъ намъ идолы? зачѣмъ кумиры?—кричитъ Терентій Сидорычъ.—Понапрасну мѣсто занимаетъ.

— Вѣрно, товарищъ, вѣрно!—отвѣчаетъ толпа.

Памятникъ разбиваютъ, а куски глины несутъ въ рѣку.

Таковъ сталъ теперь обыватель Терентій Сидорычъ.

Мих. Артамоновъ.

На дачу

Тяжелая это пора—переезда на дачу. Слава Богу, если где поблизости: въ Озеркахъ, Лѣсномъ или Самъ лампу держаши, супруга портреты любимыхъ существъ, фрейлѣня—болонокъ и узлы готова выбросить. Фре:

и а ч у.

сному, или Келленскаго хибарку найдемъ, а вотъ поглядись-ка изъ Царскаго въ Петропавловскую.
 осить. Фредерика въ языкъ на сторожъ выпустилъ... А Милосовъ, знаа, пороняеть. И куда торопите!!!

ПЕТРОПАВЛОВЦАМЪ.

Вамъ, отцамъ режима старенькаго,
Ждать пора суда не маленькаго,
Протопоповъ, Сухомлиновъ—врагъ Руси,
Штурмеръ (чертъ его на пекла унеси),
Добровольскій—врагъ правдиваго суда—

Собирается Никола къ вамъ туда...

Манусевичъ-Мануиловъ секретарь,
Жди,—пожертвуетъ сотнягу бывший царь,
Ты, Войновъ—триггеръ, строй-ка тамъ пути.
Чтобъ удобнѣе въ уборную идти.

Эй, Борисовъ, копь дорогу замело,
Расчидай скорѣй, схвативши помело,
Не съ привычки наживешь коли мозоль,

Рейнъ, коллега твой, уймешь и эту боль.
Курловъ бѣдненькій, что щепка, исхудаль.
Коль безъ шпана, значить,—баба генераль.
Балкъ заслуженный долгъ въ крѣпости несеть
И отъ скуки, жмурясь, пальчики сосеть.
Эхъ, Климовичъ, развернись ка ты съ плеча
И, послушавши совѣта «Трепача»,
Бей по стѣнкамъ своимъ твердымъ кулакомъ,
Вспомнивъ прежнее, какъ дрался съ мужи-
комъ.

Всѣ сидите-ка, сидите! Добрый часъ!
Намъ привольнѣе живется тутъ безъ васъ!

Анофт.

СУФФРАЖЪ.

— ...Эмансипація
формулируется фило-
софски, какъ актъ
революціи—рабовъ
противъ патрициевъ.

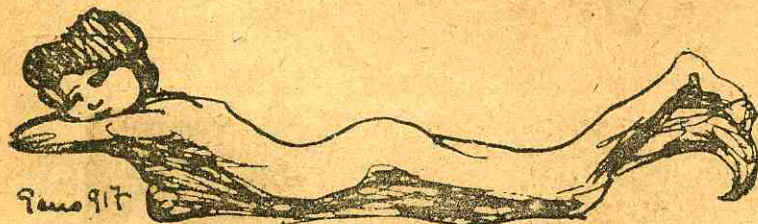
— Слышь, Мит-
ревна, какъ барыня
говорить. Ни словеч-
ушка не понять, а
до слезъ проби-
раеть...

* * *

— У него слышь деньжищъ, что волосъ
на головѣ.

— Не ахти богатый выходить, потому со-
всѣмъ лысый, что колѣно.

Тамъ 917

«Трепач» тутъ не причемъ. Пришла, извините, въ голомъ видѣ
и легла. Не дворника-же звать. Пусть ужъ лежитъ...

Я нашель друзья, нашель,
Кто виновникъ безтолковый
Нашихъ бѣдъ и нашихъ золь:
Виновать во всемъ гербовый,
Двуязычный, двухголовый
Всероссійскій нашъ орель.

РЫЖІЙ.

(Тема Владиміра Воинова).

Передъ временнымъ судомъ даетъ отвѣтъ
рыжеволосый донецъ, обвиняемый въ нару-
шеніи тишины и спокойствія.

— Сидю это я въ трактирѣ съ барышней
съ Матреной, а ано—кто-жъ его знаетъ кто
въ пляшѣ—за другимъ столикомъ. Поглядѣло
на меня и говорить:

— Рыжій.

Ну хоть бы сказала «рыжеватый», а то
рыжій... Вынимаю я свой собственный двое-
гривенный, да барышня Матрена приклады-
ваетъ пятакъ и требую бутылку нарзана.

Выпили.

А оно опять:—«рыжій!»

Ну хоть бы сказало «рыжеватый»—а то
на весь голосъ:

— «Рыжій!»

Я опять выкладаю собственный двоегри-
венный и прикладаю собственный пятакъ
Требую нарзана.

Выпили.

А оно опять:

— «Рыжій!»

Ну, тутъ я не вытерпѣлъ. Подошелъ да
ка-акъ цапну его по суслу со всего размаха.
Оно завертѣлось,—сначала на голову встало,
а потомъ на ноги.

Вотъ и все, господинъ судья. Драка, это
вѣрно, была, а скандалу не было.

ЖИСТЬ!

Ахъ, ты жисть ты моя
Окаянная!

Охъ, ты, жисть ты моя
Полупьяная!

Ухъ, ты, глупость моя
Непроходная,

Эхъ, ты, доля змѣя
Подколотная.

Ихъ, башка ты, башка
Некультурная,

ыхъ, ты, доля—тоска
Политурная...

Е 5-16

У ПЛИТЫ.

Цѣлый день гремитъ посудой, жарить, варить и печеть... Ахъ, у Стеши полногрудой сердце кровью истечетъ. Гдѣ-то милый? Что-то милый? Ухъ, какъ жарко у плиты, а еще бульонъ постылый разбиваетъ все мечты. Тамъ взглянуть не пережарить, это—въ мѣру посолить, уткѣ голову опшарить, а... миленка не забыть.

Сердце щиплетъ, какъ отъ перца. Стеша съ двухъ сторонъ горитъ: тамъ, внутри, пылаетъ сердце, — а снаружи печь лалитъ.

Прибѣжитъ лакей Гаврюшка, поторопнѣть, ушпннѣть, поцѣлуетъ звонко въ ушко...

— У-у-у, проклятый идіотъ!

Не Гаврюшка—милый Стешинъ... Надъ кроватью, на стѣнѣ, милый въ рамочкѣ повѣшенъ... Каска блещетъ, какъ въ огнѣ.

Стеша бѣдная тоскуетъ... Но ужъ скоро выходной!... То-то Стешу расцѣлуетъ рыцарь въ каскѣ огневой...

А пока бульонъ снимаетъ, погруженная въ мечты... Стеша съ двухъ сторонъ пылаетъ и душой и отъ плиты.

Евг. Хохловъ.

БОЛЬШЕВИКЪ.

Адвокатъ Климовъ поворотился на стулѣ:

— Кто тамъ? Войдите!

— Это я, пращешникъ,—бѣлье... Пошла, проклятая!..

— Ав-ав-ав!..

— Пошла, чтобъ тебѣ скиснуть!

— Каро, на мѣсто! Да вы не бойтесь, она не кусается!..

Пращешникъ принимаетъ оскорбленную позу.

— Да... не кусается, а ежели ее натравить... Пришелъ къ вамъ трудящій человѣкъ, а вы его собакой. Для васъ извѣстно—что собака, что человѣкъ...

— Извините, голубчикъ,—Карс глухѣвшій песь,—онъ съ радости лаеетъ.

— Знаемъ, съ какой радости. Видитъ чеповѣка, который почернѣй, и рветъ; небось вашего брата буржуа не тронетъ.

— Да, вѣдь, онъ не укусилъ васъ?

— Надо бѣ еще!.. И такъ нашему брату большевику не сладко. Треть-треть бѣлье, а между прочимъ тебя собакой.. У меня вонъ печенка бодитъ; доктора лѣчиться велеть, а хватъ да она за это самое мѣсто...

— Сколько вамъ надо заплатитъ?

— Два сорокъ... А только я несогласенъ, чтобъ собака...

— Я вамъ прибавлю полтинникъ.

— Покорнѣйши благодаримъ... Но ежели она, собака, безъ всякаго понятія—кто отвѣчаетъ? Вы. А развѣ я пойду судиться, когда у меня малъ-мала меньше и все въ очередяхъ стоять.

— Ну, хорошо, я извиняюсь; я, наконецъ, выпорю собаку...

— А што толку? Ну выпорете, повѣсите.. А ежели большевикъ, она опять..

— Чего опять?

— Собака то—есть.

— Повѣшенная?..

— Какъ же, повѣсили. Вы скорѣй нашего брата повѣсите..

— Что?

— Да вотъ это самое.

— Послушайте, что вы хотите, наконецъ?

— Я?

— Вы.

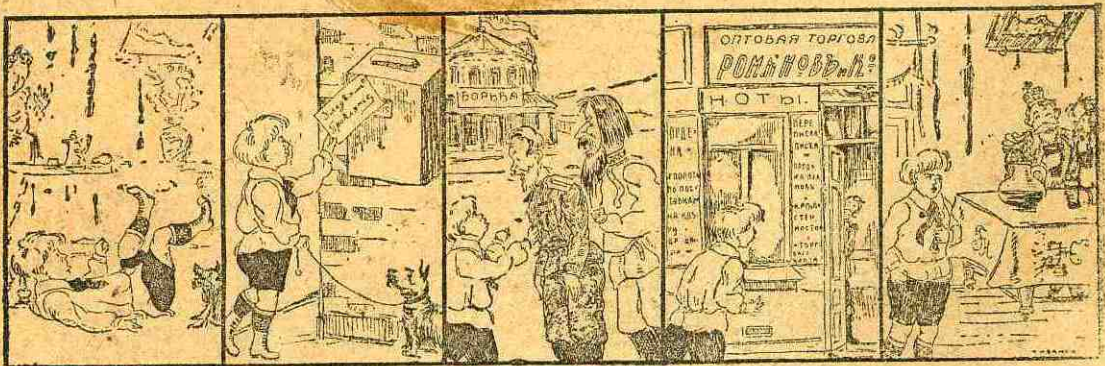
— Я—ничего. Покорнѣйши благодаримъ, а только ежели она, собака, да за большую печенку...

— Убирайся ты къ чорту съ твоей больной печенкой! Прразъ! Дворникъ! Гони! Дай по шеѣ... Такъ! Еще разъ садани..

— Вотъ оно—когда помоему вышло.. Говорилъ: для васъ все едино, что человѣкъ, что собака... Эхъ!..

Игн. Ломанинъ.

И Ленъка,—даромъ что седьмой годокъ,—о революціи кое-что смыслить!..

„Стряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ.“

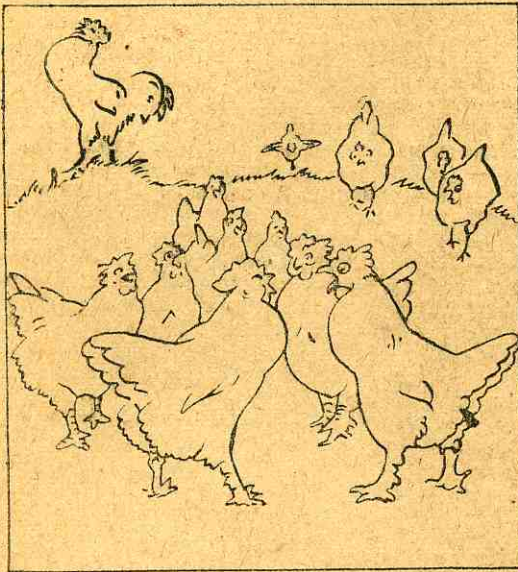
„И пошлемъ мы злодѣямъ проклятье.“

„На борьбу ихъ позовемъ.“

„Они совѣсть и честь продавали.“

„Царь-вампиръ пьетъ народную кровь.“

Курячья слобода.

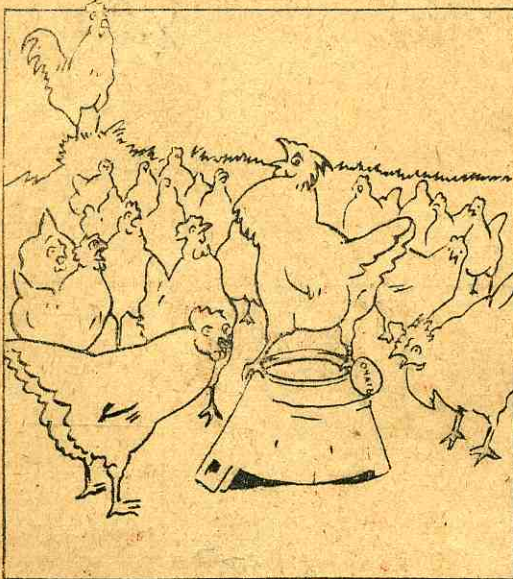

Созвалъ пѣтухъ куръ на собранье.

— Эй вы, куры-шкура, теперь равноправіе!
Собирайся: Требуй себѣ правовъ курячьихъ наравнѣ съ пѣтушьями.

Собрались куры. Избрали предсѣдательницу.
Закудахтатали кто во что гораздъ. Сдѣлали постановленіе.

— Права чгоба были одинакія. Чгоба пѣтухъ семью кормилъ, а семьи не имѣли.

Пришелъ пѣтухъ, видитъ, разбитъ семейный счасье... Хлопнулъ крылами, пощупалъ кошелекъ и помчался въ Чубаровъ переулочекъ, гдѣ веселые лома... Теперь, говоритъ, слобода.

— Ты, главное дело, не качайся. Съ баракломъ насъ не застукуютъ: дескать, воры, а ежели за цыбныхъ сочтуть,—на 3 мѣсяца припаяютъ. Иди ровно: теперь, братъ, свобода...

ТОЛКОВЫЙ СОВѢТЬ.

— Послушайте, товарищъ, мнѣ до завтра нужны деньги. Не одолжите?

— А вамъ зачѣмъ?

— Надо открыть заводъ по изготовленію снарядовъ.

— Много, значитъ, надо?

— Да, не мало.

— Гм... Такъ! У меня, видите-ли, съ собой нѣтъ. А вотъ вамъ мой добрый совѣтъ. Пойдите на Кабинетскую улицу, уголь Разъѣвжей... Увидите красный домъ купчихи Талатановой, прямо въ подъѣздъ и звони въ лѣвую дверь... Откроетъ вамъ хорошенькая горничная... Разговаривать будетъ съ вами черезъ цѣпочку... Вы этакимъ фертомъ расшаркаетесь и карточку визитную сунете, что моль барыню видѣть желаете...

Она уйдетъ... Пройдетъ минуты 3 или четыре... Возвратясь, горняша заявитъ вамъ, что барыня незнакомыхъ не принимаетъ и желаетъ знать, что барину надо.

Вы ей скажите, что господинъ Петровъ стр-р-рашно нуждается и проситъ выручить его до перваго жалованья... Горничная пойдетъ докладывать...

Не пройдетъ и пяти минутъ, какъ вамъ безъ всякихъ разговоровъ вынесутъ д-в-а-д-и-ати копѣекъ...

Пьяный Джонъ.

„ТРЕПАЧЬ“.

„Трепачь“, „Трепачь“, основа правды,
Треплись, „Трепачь“, по всѣмъ странамъ

Тебѣ привѣтъ шлютъ все народы,
Что треплешь правду ты всю намъ
Капиталистамъ туго стало,
Буржуямъ комомъ въ горлѣ сталь
Изъ-за того, что очень много
Про нихъ ты правды натрепалъ!

Раб.-слесарь А. Портновъ.

СЪ ВОЙНЫ

...И свѣтъ погашень...

Всеобщій стонъ
Средь мирныхъ пашень
Огнемъ зажжёнъ.

Ахъ, такъ усталъ я,
Погасъ безъ силъ,
Свѣтъ огне-алый
Въ душѣ застылъ!

Забудь ли стоны,
Огни огней,
Пожаръ, зажженный
Въ душѣ моей?

Въ великомъ свѣтъ,
Мирскомъ огнѣ,
Отъ скорби этой
Нѣтъ силы мнѣ.

Иду... Печалить
Великій громъ.
Весь западъ залить
Огнемъ... огнемъ!..

Мих. Артамоновъ.

НА СУЧАВѢ.

Снѣга бѣлбюгъ,
Огнемъ искрять.
За далью тлѣютъ
Остатки хатъ.

Тамъ скорбь, смятенье.
Великій бой,—
А здѣсь такъ тихо.
Царитъ покой.

Повсюду встала
Среди долинъ
Надъ мертвой далью
Печаль руинъ.

Звенить Сучава,
Прорвавъ заторъ.
И слѣва, справа
Вершины горъ,

И лѣсъ... и въ шумѣ
Его вѣтвей
Встаютъ раздумье
Въ душѣ моей

Мих. Артамоновъ.

НЕ ПОНЯТАЯ ДУША.

Савва Нилыч потерь лысину, потрогалъ зорокаведерное чрево и вышелъ изъ-за буфета. Изъ бильярдной изрѣдка доносится хлопанье шаровъ и снова тишина, одуряющая, дѣвственная.

Единственный, сидящій за угловымъ столомъ гость, безмысленно смотритъ прямо передъ собою и выраженіе лица у него такое. Будто онъ чутко къ чему-то прислушивается.

— Да,—нарушаетъ тишину Савва Нилычъ: вотъ и до новой жизни дожили, такъ сказать, а радостей, чтобы особенныхъ, что-то и не видать.

— Какія же особенныя радости нужно?—желчно отвѣчаетъ гость и начинаетъ ерзать на стулѣ: Свободнѣе стало жить—развѣ это плохо? Облегченія вообще... Всеобщее равенство напиримъръ...

— Да, это, конечно, въ смыслѣ какъ бы переустройства дѣйствительно новыхъ усовершенствованія—реформы, какъ говорится. А только особеннаго различія въ вѣшной оболочкѣ—этого незамѣтно. Равенство. А что такое равенство? Граждане—всѣ. Фу, ты подумаешь, какой пирогъ съ медомъ! Вотъ мой родитель, парствѣ небесное, лишнимъ почетнымъ гражданиномъ былъ, а какая съ этого корысть была? Если бы не приученъ былъ съ малолѣтства питейному дѣлу, тогда Богъ знаетъ, чтобы и было. Можетъ, и на паверти стоялъ бы съ протянутой рукой. Этимъ самымъ гражданствомъ сытъ не будешь. Неприкосновенность личности причемъ? Будешь порядочнымъ человѣкомъ, такъ никто тебя не тронетъ, а коли ежели каверзу какую сотворишь, такъ въ лучшемъ видѣ и при всякой неприкосновенности такъ ребра пощупаютъ, что любо дорого...

— Не понимаете вы, какъ я вижу, ничего! возмущается гость: Прежде, чѣмъ рассуждать...

Но Савва Нилычъ радъ, что отдѣлался отъ одуряющей скуки и главное, тишины, которая его почему то всегда пугаетъ, продолжаетъ, не слушая гостя:

— Опять же по нашему питейному дѣлу не видно, чтобы льготы какія были. Вотъ уже два мѣсяца, какъ эта самая революція парствуетъ, а о томъ, чтобы спиртный запретъ снять и словомъ никто не обмолвится. А какъ русскому человѣку свобода, коли главное то веселіе подъ замкомъ. Посмотри на любого изъ насъ, русскихъ. Развѣ безъ вина онъ человѣкъ? Ни отнюдь. И языка лишень и скука его давитъ и всякая мрачная мысль его тиранитъ... Ей-ей!.. Помните вы трактиры то въ прежнее время? Вотъ свобода то, она самая и была въ кабацѣ. И нельзя сказать, чтобы какое безобразіе, али что... И личность уважали, какъ слѣдуетъ быть... Помню, какъ одинъ хулиганъ въ рыло порядочному человѣку въхалъ, такъ его половые, прямо, такъ сказать, на кулакахъ вынесли,—потому, не оскорбляй чужого лица. Оно, конечно, другая харя будто такъ и убрана, чтобы по ней кулаку провѣхаться—это бываетъ. Но, все-таки, отъ такихъ самочувствій нужно себя удерживать, потому коли мы будемъ себя въ правѣ каждую физію за ее неудобоваримость штра-

фовать, какъ изъ этого, окромя ералашу, ничего не выдетъ...

Гость вдругъ шумно отодвигаетъ стулъ, бросаетъ злобно на столъ нѣсколько боиъ и выхдитъ изъ трактира, хлопнувъ дверью.

Савва Нилычъ конфузливо третъ лысину и ворчитъ подъ носъ:

— Чортъ ихъ знаетъ, какой народъ пошелъ. Чуть что не по емъ—онъ те въ рыло готовъ дать... Какая же это свобода слова, коли ежели ты не ленинешь, то и молчи, какъ рыба?... Тьфу!..

В. Андреевъ.

Взглядъ въ корень.

— Иванъ Иванычъ! Что съ вами?

— Да политика все...

— Эге! А я вамъ говорилъ, не ходите пѣшкомъ по Каменноостровскому.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ „ТРЕПАЧА“

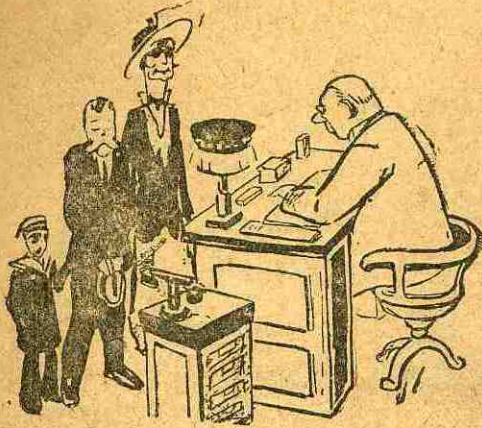
СТАТЬЯ II.

О выпивкѣ преимущественно.

„Полундра, качай!“ Слобода печати, хлопъ въ доньшко! Надрызгаться. Заложить за галстухъ. Червячка раздавить. Дербалызнуть. До положенія ризъ нахлестаться. Первая коломъ, вторая соколомъ. Горлышко промочить. Не до зубровки, ханжей бы смазать бровки. Налимониться. Накачаться. Урѣзать муху. Чекалдыкнуть. Насвистаться. Политурки набѣться. Назюкаться. Пропустить точію по единой. Осадить. Тронуть. Пройтись по лампадчкѣ. Подливай, Гаврила, приучай народъ. Пьяница пропится, а дуракъ никогда. При огнѣ, при свѣтѣ писать мыслете. Гришкѣ отдохнуть, а намъ выпить. Долбануть. Гдѣ намъ за павами—стаканами, хоть по рюмочкѣ, да почаше. Горько! Еще бы столько. Лачкомъ покрыть. Еле можакъ. Хорошенького по маненьку. Шаргрязъ черезъ заборъ лѣзъ, а сивуха ему въ ухо. Коли справлюсь, то поправлюсь. Утробу пополоскать. По бутылочкѣ на брата да бутылочку на всѣхъ. Доплель комель, выпить-плюнуть. Хоть и мерзавчикъ, а красавчикъ. Шапку поднять—самъ упаду, пускай валяется. Много не надо, одинъ другой, я и съ ногъ долой. Спаякая, качай. Хоть кали-мали, только бы дали. Безъ тройцы домъ не строятся. Новы лапти купилъ—тащи четвертную, спрыснемъ! Приложимся мы къ рюмочкѣ, потомъ и къ огурцу.

ВЪ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЙ КОНТОРѢ.

ГЕОГРАФІЯ

— У васъ рекомендація съ послѣдняго мѣста мѣется?

— Нинѣтъ...

— Тогда, простите, никакой должности мы вамъ дать не можемъ.

ВЗГЛЯДЪ ВЪ КОРЕНЬ.

— У тебя сегодня въ лицѣ что-то Диогеновское.

— Вчера на митингъ подъ самый глазъ черти подставили.

— Сколько частей свѣта, Петровъ?
— Пять.
— Какая по твоему самая культурная?
— Говорятъ, что въ Коломенской хорошо, а въ Александро-Невской пьяныхъ очень оскорбляютъ.

ПОЧТОВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ «ТРЕПАЧА»

В. Ношелеву, В. Лямину, Евг. Горючю, А. Тургіеву Хально, Вольному.—Присланное не подошло, присылайте еще, только талантливое. Мурату. Надо прислать все цѣликомъ, до самаго конца. Анофру. Принято. Присылайте еще. Леониду Т-ру. Давайте еще. Хорошо Н. Сву съ Гончаровой Гони больше медочей. Ильину С. Посылайте больше мелочей Дианону I. С. Спасибо. Нѣтъ-ли чего у васъ древнебурсацкаго, бытового? Очень обяжете! В. Ц. Плохо. Ар. Зеновъ Не отдѣлано. Рукописи даже не разобрать А. Г. Пандрову. Не подходитъ. К. Г. Митрохину. Присылай еще. А. А. Соловьеву. Давайте на другія темы Прейдохъ. Тащи свои стихи въ первую парикмахерскую. Гонораръ тамъ наврядъ ли заплащать. Сер. рядовому. Полтинникъ за строку—мало. Возьмите рубль, что вамъ стоитъ. А. Шиневичу. Вы писали совсѣмъ не для „Трепача“. Это надо въ „Бирж. Вѣдомости.“ Н. Сухареву. Очень хорошо. Продолжайте. Кл. Кондратьевей Жду слѣдующихъ. Это не подошло.

Принимается подписка на еженедѣльный журналъ

Трепачъ. Сатира, юморъ, лирика, бытъ улицы города, деревни, полтика, литература и вопче.

Ц Ъ Н А :

До конца года—5 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 60 к. Отд. №—15 к.

— Дворникъ, тутъ гдѣ редація и контора „Трепача“?

— „Трепача“? Тутъ нѣтъ. Тутъ все приличные господа живутъ... Трепачей тутъ нѣтъ. А сходи ты въ Эртелевъ пер., домъ 3, тамъ у нихъ контора. Это знаю.

— Спасибо, голубчикъ. Значить, Эртелевъ 3.

— Эртелевъ, 3. А ты что это принесъ!

— Стихи въ „Трепачъ“.

— А ну! Прочитай! Очень я стихи обожаю.

— Ну, слушай:

О добродѣтели кто яростно рокошетъ;

— Тотъ лжець!

Кто о чужомъ смиреніи хлопочетъ,—

— Тотъ подлець!

Кто безвозмездно всѣмъ совѣты подаетъ,—

— Тотъ интриганъ!

Кто спирту чистаго и прочаго не пьетъ,

— Тотъ сверхъ—болванъ!

Кто любитъ кашу лучше калача,—

— Такъ тотъ новаторъ!

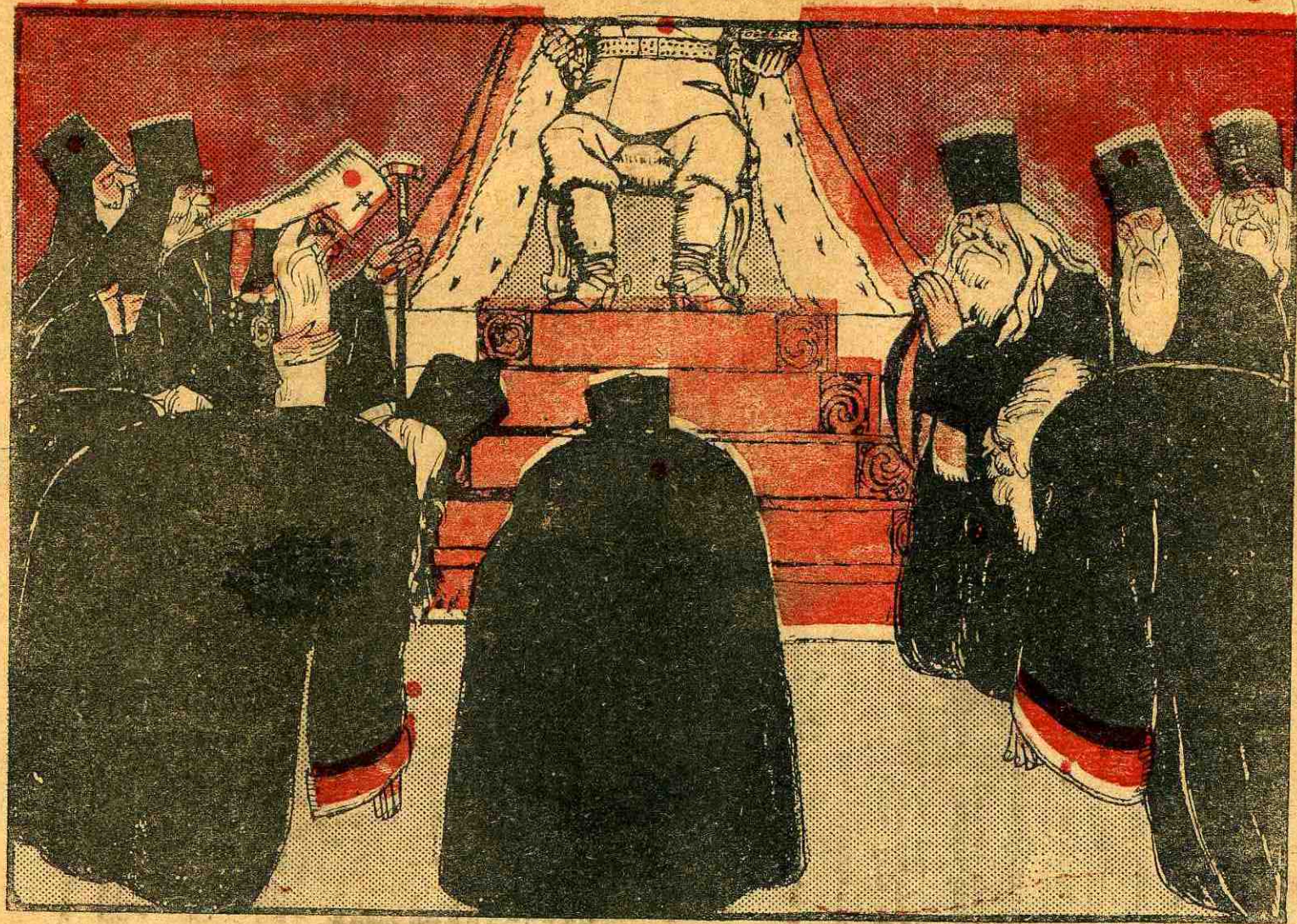
Кто не читаетъ Трепача,—

— Тотъ провокаторъ!

— Лловоко!.. Ну, иди... Евстафъ Фролычъ—онъ напечатаетъ... Сынь!.. Скажи, что я одобрилъ.

— Значить, Эртелевъ, 3. До свиданья...

— Ого-го-го! Какъ-бы это умудриться съ превомъ своимъ теломъ до полу достать, смотришь— митрополиту дадутъ... Вонъ смиреннѣе сивскіи Шура Горото: въ армя всего только 9 пудовъ...

100